

БАШКИРСКОЕ ВОССТАНИЕ ЭПОХИ ПЕТРА I (1704–1706 ГГ.)

Аннотация

Статья посвящена башкирскому восстанию 1704–1706 гг. В изучаемое время происходило усиление феодального гнета, что выражалось в захвате башкирских земель, росте налогов и повинностей, в попытках христианизации коренного населения. Все эти явления вызвали сильное недовольство башкир и они взяли в руки оружие. Начало восстания связано с указом, объявленным прибыльщиками (сборщиками налогов) А. Жихаревым и М. Доховым в августе 1704 года на собрании представителей башкирских волостей. Этим царским указом крупные рыбные ловли и бортные леса башкир переходили в распоряжение казны и на коренных жителей края возлагались новые налоги. Однако ввиду крайнего недовольства уже на переговорах представители коренных жителей вырвали этот указ, публично разорвали его текст и демонстративно бросили в реку Белую. Затем были избиты прибыльщики и, таким образом, башкиры отказались от реализации данного нормативного акта. В ответ с началом 1705 г. на территорию Башкортостана была направлена карательная команда во главе с царским чиновником А. Сергеевым. Последний потребовал от башкир выделить для армии 20 тысяч лошадей, т.е. по 5 тысяч лошадей от населения каждой дороги. В итоге вновь собранные выборные башкиры всех четырех дорог под угрозой смерти вынуждены были начать предоставлять лошадей в пользу государства.

В этой ситуации начало проявляться массовое недовольство башкир Казанской и Ногайской дорог, которое постепенно трансформировалось в вооруженную борьбу против царских властей. Народное движение возглавили Дюмей Ишкеев и Иман батыр.

Летом 1706 г. при содействии Б.П. Шереметева повстанцы решили обратиться к царю с челобитной. В частности, выборные башкиры решили доставить этот документ в Москву. Однако правительство, по предложению казанского коменданта Н.А. Кудрявцева, отказалось рассматривать челобитную. Затем Дюмей Ишкеев был арестован и казнен. Узнав об этом, башкиры продолжили борьбу.

Данное движение постепенно превратилось в борьбу многих народов Урало-Поволжья и Северного Кавказа против феодального и национального гнета. В итоге, правительство было вынуждено удовлетворить основные требования повстанцев.

Ключевые слова: башкиры, восстание, Петр I, А. Жихарев, М. Дохов, Казанская и Ногайская дороги

Irek G. Akmanov, Azat A. Dautov

BASHKIR REVOLT OF THE EPOCH OF PETER I (1704–1706)

Акманов Ирек Гайсеевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Башкирского государственного университета (Уфа), e-mail: akmanov_ig@mail.ru

Irek G. Akmanov, Dr.Sc. (History), Prof., Chief researcher, Bashkir State University (Ufa), e-mail: akmanov_ig@mail.ru

Даутов Азат Алтынбаевич, помощник вице-президента АН РБ (Уфа), e-mail: Sattar88@yandex.ru

Azat A. Dautov, Assistant to the Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa), e-mail: Sattar88@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the Bashkir revolt of 1704-1706. At the time studied there was an increase in feudal oppression, which was expressed in the seizure of Bashkir lands, an increase in taxes and duties, in attempts to Christianize the indigenous population. All these phenomena caused strong dissatisfaction of the Bashkirs and they took up arms. The beginning of the revolt is associated with a decree announced by profiteers (tax collectors) A. Zhikharev and M. Dokhov in August 1704 at a meeting of representatives of Bashkir volosts. By this Tsarist decree, large fishing and onboard forests of the Bashkirs were transferred to the disposal of the treasury and new taxes were imposed on the indigenous inhabitants of the region. However, due to extreme discontent already in the negotiations, representatives of the indigenous people snatched this decree, publicly tore the text of the decree up and defiantly threw it into the Belaya River. Then the profiteers were beaten and, thus, the Bashkirs refused to implement this normative act. In response, with the beginning of 1705, a punitive team led by Tsarist official A. Sergeev was sent to the territory of Bashkortostan. The latter demanded that the Bashkirs provide 20 thousand horses for the army, i.e. 5 thousand horses from the population of each *darugha*. As a result, the newly assembled elected Bashkirs of all four *darughas*, under the threat of death, were forced to begin providing horses in favor of the state.

In this situation, mass dissatisfaction with the Bashkirs of the Kazan and Nogai *darughas* began to manifest, which gradually transformed into an armed struggle against the tsarist authorities. The popular movement was led by Dyumey Ishkeev and Iman batyr.

In the summer of 1706, with the assistance of B.P. Sheremetev, the rebels decided to turn to the Tsar with a petition. In particular, the elected Bashkirs decided to deliver this document to Moscow. However, the government, at the suggestion of Kazan commandant N.A. Kudryavtsev, refused to consider the petition. Then Dumey Ishkeev was arrested and executed. Upon learning of this, the Bashkirs continued the struggle.

This movement gradually turned into the struggle of many peoples of the Uralo-Volga region and the North Caucasus against feudal and national oppression. As a result, the government was forced to satisfy the basic demands of the oppressed masses of these regions.

Key words: Bashkirs, revolt, government, Peter I, A. Zhikharev, M. Dokhov, the Kazan and Nogai *darughas*

Начало XVIII в. характеризуется дальнейшим усилением феодального и национального гнета в стране. Данное обстоятельство было связано с развитием крепостничества вглубь и вширь, ростом государственных налогов и повинностей как следствие разорительных и длительных войн, реформ в области государственного управления, армии и флота, строительства крепостей, городов, мануфактур, каналов и т.д. Повсеместное сопротивление, принявшее самые различные формы, начиная от подачи челобитных и побегов до вооруженной борьбы, как, например, восстания в Астрахани, на Дону и прилегающих уездах, являлось ответом крестьян, посадских и рабочих людей, казаков и нерусских народов на рост феодальной эксплуатации. Башкортостан не стал исключением в этом отношении, и здесь было налицо сильное ухудшение положения особенно коренного населения, которое в начале XVIII в. не случайно подняло три восстания. Резкое усиление наступления феодального государства на права башкир ярко выразилось в деятельности «прибыльщиков» в Башкортостане, которая послужила непосредственной причиной перечисленных движений.

Первая партия «прибыльщиков» выехала из Москвы в конце июля 1704 г. и направилась в

Казань, Уфу и в «иные дальные города». В августе «прибыльщики» Андрей Жихарев и Михаил Дохов, сопровождаемые подьячими, переводчиками и солдатами, приехали в Уфу и разослали гонцов во все волости с наказом направить выборных людей, чтобы они узнали о содержании указа царя. 5 октября 1704 г. за р. Белой около Уфы царские чиновники зачитали собравшимся представителям волостей указ о переходе в казну башкирских рыбных ловель, введении множества новых мелких налогов, проведении переписи населения и ряде мер, затрагивающих религиозные убеждения нерусских жителей края [1; 2, с. 118].

Новый указ затрагивал прежде всего земельные права башкир: в ведение казны переходили наиболее крупные рыбные ловли с прилегающей территорией. Заметно возросли налоги. Кроме прежних, башкиры должны были платить налог с домовых ульев, бань, свадеб, калыма, уплачиваемого родителям невесты, лошадиной и жеребачей кож, дуг, хомутов, печей, валков, мельниц, прорубей, ворот, окон, погребов, с каждого приехавшего в город на базар, за каждого молящегося в мечети, за абызов мечетей. Подлежали переоборочке бортные леса. Прибыльщики в своем рвении придумывать новые статьи налогов доказали до нелепых вещей: они обязали башкир

платить налоги с глаз. Людей с серыми глазами, которых власти подозревали как небашкир, т.е. как беглых из соседних уездов, предполагалось обложить дополнительным налогом.

Активизировалась и политика христианизации. Для начала предлагались обходные пути, но башкиры сразу разгадали цель этих требований. Они говорили князю Уракову, посланному из Казани в начале 1705 г. для выяснения обстановки в крае, что «...их мечети велели им они перепишики огораживать, и в той де городьбе у мечетей мертвых их класть, а по их де вере мертвых около мечетей не кладут, и по тому знатно, что ведут их ко крещению».

Все это, естественно, вызывало резкое недовольство башкир. Представители волостей говорили о непосильности этих требований. Они наивно думали, что все это делается без ведома царя. В ответ чиновники грозили им суровой расправой. Спор перешел в драку. Возмущенные башкиры избили прибыльщиков, а текст ненавистного указа был разорван в клочья и брошен в реку Белую [2, с. 101–111, 259].

Башкиры начали формировать отряды, готовить коней, оружие и припасы. На западных границах Башкортостана были расставлены караулы. Важной частью подготовки восстания стало установление связей с соседями, в частности, с народами Поволжья и Северного Кавказа, где также создавалась напряженная обстановка. Осенью 1704 г. башкиры сумели установить связи с казанскими татарами и астраханскими ногайцами. Об этом стало известно правительству. Еще в конце октября 1704 г. оно получило сведения о том, что «...воры башкирцы и казанския татары хотят согласитца с астраханцы».

Правительство особенно беспокоил тот факт, что в этих районах, наряду с нерусскими народами, проявляли недовольство и русские крестьяне.

Власти следили за событиями в Башкортостане. Получив известие об открытом выступлении башкир против «прибыльщиков», власти направили в начале 1705 г. к закамским крепостям дополнительные военные силы: «А пришли в Заинск и в Мензелинск и в Шешминск и в село Каракулино многие полки солдат». Командир одного из отрядов Люткин, собрав выборных башкир, потребовал от них подтвердить свою покорность правительству отдачей в Казань заложников от всех 4-х «дорог». Башкиры отказались. Таким образом, попытка правительства устра-

шить башкир концентрацией военной силы не имела успеха [1, л. 5].

В этих условиях казанские власти решили сломить сопротивление башкир вооруженным путем. Поскольку с ноября 1704 г. все «низовые города» и ясачные люди Поволжья находились в ведении князя А.Д. Меншикова, то и успокоением края занялся последний вместе с казанскими властями. Комендантом Казани в это время был Н.А. Кудрявцев.

Во главе карательной экспедиции, направляемой в Башкортостан, был поставлен комиссар Александр Сергеев, отличительной чертой характера которого являлась жестокость. Еще в апреле 1704 г. он был послан от Меншикова с чрезвычайными полномочиями («...во все низовые города... для набору солдат и разбору дворян...»). Воеводам этих городов было предписано «...быть во всем послушны...» Сергееву. Особо говорилось о его власти над ясашными людьми: «Да ему ж Александру велено ведать Уфу, Самару, Синбирск, Свияжск и ясашных иноверцев».

В конце февраля 1705 г. во главе 2-х конных и 4-х пехотных полков Сергеев прибыл в Мензелинск. Собрав представителей башкир ряда волостей Казанской дороги якобы для заслушивания указа, Сергеев арестовал по обвинению в сопротивлении прибыльщикам. По пути из Мензелинска в Уфу на каждый ям по приказу Сергеева солдаты сгоняли окрестных башкир, грозили им суровыми карами и стреляли из пушек для запугивания [3].

При въезде в Уфу каратели устроили своеобразную арку из пушек, сабель и копий и через нее провели башкир, которых Сергеев арестовал в Мензелинске. Созвав в Уфу представителей башкир со всех «дорог», Сергеев стал требовать с них 20000 строевых лошадей, по 5000 с каждой «дороги». Когда башкиры стали говорить о непосильности этого требования, Сергеев приступил к расправе: «...запер их в приказ, а иных в тюрьму, а иных в стюденые избы...», говорил им «...вас де велю перевешать и переказнить и по дорогам де пошлю полки, тако же де велю последних вашу братью и жен ваших и детей вырубить до малого ребенка...». Затем он устроил массовую порку выборных башкир. От побоев умерли жители Табынской волости Беккул, Бешаульской волости Шалтык абыз, Меркитской волости Калим. Остальные выборные под угрозой смерти вынуждены были дать свои подписи о даче по 1300 лошадей с каждой «дороги».

Однако этим каратель не ограничился. Он велел собрать в одно место выборных людей, а также других башкир, находящихся в Уфе по своим делам, и насильно поил их вином и водкой до потери сознания: «...заперев в крепкий огород, кругом караул поставил, вина и меду поставя и зелья положи, в неволю поил, кто и век свой меду и вина не пивали, азей и мулов и ахунов их поил; а ежели кто не станет пить, тех бив палками и насильно поил, и напившиеся де лежали бес памяти, и лежащих де людей порохом палил, солону огнем зажигал, на руки свечи прилеплял, другим в горсти пороху насыпав огнем палил, а збережась лежалых людей сызнова подняв по неволе поил, хотя поморить. В тот огород ввел 100 пушек и стрелял до вечера до 10 раз... И как де они пьяные лежали, а он де Сергеев, вышел в огород, всякому пьяному лежащим людям, держав против солнца зеркало свое, рожи и головы жег и, который тронетца, еще поил, чтобы поморить». В результате этого «угощения» умерло 4 человека. А всего от побоев и других бесчеловечных поступков Сергеева только в Уфе умерло 9 башкир [1, л. 6; 2, с. 112].

В марте 1705 г. помощники Сергеева С. Аристов и И. Пальчиков приступили к сбору лошадей у башкир. Ранней весной лошади у башкир страдали от недостатка кормов, и они вынуждены были приводить для сдачи худых лошадей. Однако царские представители требовали от башкир предоставления только сытых лошадей, в случае невыполнения чиновники избивали их и сажали под караул. В этой ситуации многие были вынуждены заложить в заклад своих детей, чтобы купить требуемых лошадей. По волостям рыскали отряды солдат, которые отбирали у башкир лошадей, грабили имущество и издевались над людьми. Башкиры в своей челобитной так характеризовали действия отряда Сидора Аристова на территории Казанской дороги: «Ныне государи, Сидор Аристов разоряет безостатку Уфинский уезд наши вотчины и деревни и всяких ясачных розных чинов... И починил под Заинском разорения, деревни многое развоевал, жен и детей в полон поимал...».

Кроме сбора лошадей, казанские власти приняли и другие меры для ослабления башкир. Они решили территории ряда башкирских волостей по Каме и Ику подчинить непосредственно Казани. Затем, продолжая дело прибыльщиков, Аристов приступил к переписи башкир. Все эти мероприятия, проведенные зимой и весной

1705 г., вызвали массовое бегство башкир со старых мест жительства в дальние леса и горы. Тогда воинские отряды организовали преследования беглецов и стали расправляться с ними. От рук карателей, а также от холода и голода погибло много людей и скота [1, л. 6–8, 10–13].

В результате действий карательных отрядов, башкиры понесли человеческие жертвы и материальные потери, однако их сопротивление не было сломлено. Ответом на насилия был повсеместный отказ башкир платить не только новые, но и старые налоги, повинности. Они также отказались подчиняться казанским властям. Последние доносили в Москву: «Уфинцы положенного на них старого ясаку против прошлых лет не платят и посланным от нас из Казани чинят противенство, подвод по указам против прежнего не дают ... из верховых городов беглецов иноверцев принимают и, кои до сего числа к ним пришли, не отдают» [4, с. 134–134 об.].

Башкиры не ограничились пассивными формами борьбы. Жители ряда волостей перешли к вооруженной борьбе. Военные действия начались весной 1705 г. Первыми поднялись башкиры Казанской и Ногайской дорог, где действовали карательные команды Сергеева.

Восставших башкир Казанской дороги возглавил Дюмей Ишкеев. В течение лета он вместе с другими жителями сражался с отрядами Аристова, разорявшими башкирские волости вокруг Мензелинска, Заинска и других крепостей. Об этом сообщал в Казань Аристов: «Дюмейка з братьями и сплемянники и з другими бунтуют...». В ответ на разорение своих аулов башкиры стали нападать на царские команды и крепости. Пострадали, по-видимому, и некоторые русские деревни. В другом донесении властей сообщалось: «...ведомой вор и бунтовщик башкирец Дюмейко с товарищи, который прошлого лета в Казанском уезде села и деревни разорял, людей побивал и в полон брал и стада отгонял».

В волостях Ногайской дороги башкиры действовали около Соловарного городка и, по донесению казанских властей, «...стада отгоняли и деревни разоряли и людей побивали и в полон брали». Здесь во главе восставших башкир стоял Иман батыр. Однако большинство представителей башкирской верхушки в это время занимало выжидательную позицию. На вопросы посланцев казанских властей относительно повстанцев Ногайской дороги, явно преуменьшая их численность, башкиры отвечали: «ворует... батыр Иман

с такими же воры человек с триста». Феодалы, пытавшиеся мирным путем добиваться уступок от правительства, были заинтересованы в том, чтобы представить начавшуюся вооруженную борьбу как незначительное событие.

Не было спокойно и в пределах Осинской и Сибирской дорог. В сообщении из Кунгура говорится: «705 году летним временем они ж башкирцы и калмыки и татары бунтовали, смуту и мятеж чинили и стояли в Уфинском уезде в собрании многолюдством многое время и лошадей у нас Кунгурского уезду, отнимая сильно, отгоняли в свое воинское собрание и мы, кунгурцы, в том их собрании были опасны ... » [4, л. 134; 2, с. 177; 5, л. 1–2].

Как видно, вооруженная борьба началась во многих волостях, но она еще не охватила весь край. Этому мешали царистские иллюзии людей, которые были характерны для сельского населения в период средневековья. Если башкиры ряда волостей перешли к активной борьбе, то некоторые жители края полагали, что действия властей по отношению к башкирам, в том числе насилия карательных отрядов Сергеева, неизвестны царю. Исходя из этого часть населения надеялось, что царь скоро получит их информацию и облегчит положение. Именно поэтому многие жители края ограничились отказом платить налоги и политикой неповиновения местным властям, а также попытались подать жалобу в Москву. Однако, когда башкиры все же послали челобитчиков, последние были арестованы и посажены в казанскую тюрьму.

К осени 1705 г. сложилась тревожная обстановка на всей территории Среднего Поволжья и Урала. В декабре 1705 г. фельдмаршал Б.П. Шереметев доносил царю из Казани: «...башкирцы во всякой противности». Под влиянием событий в Башкортостане население Среднего Поволжья отказывалось платить налоги: «...во многих городах иноверцы стало было быть и противны, будто положено на них все без указу». В этой обстановке в Нижнем Поволжье возник новый очаг борьбы против властей. 30 июля 1705 г. началось восстание в Астрахани. Почти все крепости этого края – Красный Яр, Черный Яр, Гурьев, Терский городок – поддерживали астраханцев. У астраханцев было стремление объединиться с народами, которые жили вне пределов Нижней Волги: с восставшими башкирами и каракалпаками [6, л. 91 об., 136–147, 154; 7, л. 240 об.].

В донесении от 18 марта 1706 г., составленном около Астрахани, Б.П. Шереметев сообщил: «...если б не поспешил, конечно б Астрахань разорена была, и имели намерение соединитца с кубанцы и каракалпаки...». Об отношении же башкир к астраханцам ярко свидетельствует следующий факт. Казанский татарин Ишбулат мулла, посланный весной 1706 г. к башкирам, доносил Кудрявцеву: «Они ж, башкирцы, говорят, что будто Астрахани ни взять». Раздраженный этим, Кудрявцев просил Петра I, чтобы захваченных в плен астраханцев: «...В Казани и на Уфе и в других к тому приличных городех предать во всенародную казнь, чтобы было таким маловерным вора и другим памятно» [8, л. 138; 9, с. 65–66; 10, с. 524].

Правительство понимало всю глубину грозивших ему осложнений и приняло ряд решительных действий. Против астраханцев как главной опасности на данный момент были отправлены, снятые с театра военных действий, регулярные полки во главе с фельдмаршалом Б.П. Шереметевым. Против народов Северного Кавказа были направлены калмыки хана Аюки. Башкир пытались успокоить обещаниями «царской милости». Петр I лично поручил Б.П. Шереметеву организовать необходимые мероприятия: «...указал премилостивейший государь усмотреть, буде бы что положено на них в тягость и их своею государевою милостью обнадежить».

Шереметев, прибывший в Казань 18 декабря 1705 г., освободил из тюрьмы башкир, арестованных Сергеевым, и с ними послал в Башкортостан офицера. Вот как он об этом писал: «...чтоб они от своих шатостей отстали и были во всяком послушании и покорстве и для лутчаго уверения, что по указу великого государя приехал в Казань, прислали б ко мне башкирцов из лутчих людей, буде какие есть нужды, чтоб доносили и во всякое своеволие не вступали...». Однако башкиры не торопились направлять своих представителей в Казань, и Шереметеву пришлось отправить к ним второго посланца. Важно было и то, что по просьбе башкир он назначил уфимского дворянина воеводой Уфы. В то же время и фельдмаршал не надеялся только на уговоры. Он неоднократно писал в Москву о необходимости увеличения воинских сил в Казани.

Сделанные уступки, скопление воинских формирований в Казани и особенно обещание правительства рассмотреть жалобы башкир оказали воздействие на людей. Хотя часть пов-

станцев во главе с Иман батыром по-прежнему стояла за продолжение активных действий, но общая обстановка в Башкортостане немного разрядилась. Значительная часть башкир, в том числе предводитель повстанцев Казанской дороги Дюмей Ишкеев, поверили обещаниям правительства. Они решили воспользоваться предложением Шереметева и добиваться своих целей мирным путем.

Получив повторные призывы Шереметева, башкиры обратились к Петру I с челобитной. Она была составлена в начале 1706 г. на всебашкирском йыйыне (съезде). Представители народа избрали 8 человек, которые должны были ехать в Москву с челобитной. Здесь башкиры жаловались на земельные захваты под видом переоброчки рыбных ловель, обращали внимание на новые налоги, которые они прозвали «72 статьями прибыли», подчеркивали насилия карательных команд Сергеева. Под челобитной стоят подписи 75 выборных башкир из всех 4 «дорог». 26 марта челобитчики и сопровождавшие их лица прибыли в Астрахань к Шереметеву и подали ему челобитную на имя Петра I. Однако фельдмаршал перенаправил их в Москву [11, с. 137].

Весной 1706 г. правительство продолжало интересоваться положением на территории Башкортостана. В целом царь одобрил жесткую политику казанских властей по отношению к нерусскому населению края, башкирам, в частности. В то же время он рекомендовал казанским властям не пренебрегать и методом уступок. В частности, Петр I велел снять новые налоги с башкир.

После отъезда Шереметева с полками в Астрахань обстановка в крае вновь стала обостряться. Башкиры по-прежнему не подчинялись казанским властям, «посланным от них ис Казани чинят противность», не платили налоги, не давали подводы и укрывали беглых из Поволжья. Нерусское население Среднего Поволжья также отказывалось платить налоги.

Казанские власти продолжали свою жесткую политику относительно башкир. Они решили заменить поставленного Б.П. Шереметевым уфимского воеводу А. Аничкова, которого они подозревали в «мягком отношении к башкирам». На его место был назначен их доверенный человек казанский дворянин Лев Аристов. Затем они пытались помешать башкирам подать челобитную в Москву и обратились к Шереметеву, чтобы он выдал им башкир – челобитчиков.

Башкиры, в свою очередь, отказывались выполнять распоряжения казанских властей во главе с Кудрявцевым. Их представитель открыто заявил последнему: «Прислали де его начальные и все мирские люди сказать: слышно де им, что едет на Уфу воеводою Лев Аристов, и они де ево, Льва, не пустят, у них де хорош воевода Александр Аничков».

Весной 1706 г. башкиры возобновили восстание. В разных местах Казанской дороги начались столкновения башкир с царскими отрядами. Восставшие также нападали на крепости. Казанские власти доносили: «...в тех числах здесь от башкирцов многое воровство за Камою рекою. Села и деревни вырубил и выжгли и в полон людей и стада поимали прибегаючи незапно изгоном так же, как и в прошлых летех». Когда в апреле 1706 г. А. Сергеев приступил к строительству новой крепости на башкирской земле по р. Самаре, то крепость стала объектом нападения восставших. Отряды повстанцев действовали также в окрестностях Самары, Сергиевска, Саратова и в пределах Симбирского уезда. По донесению А. Дмитриева-Мамонова, в апреле башкиры «...собрався, разорили Синбирского уезду да Казанского уезду две деревни и выжгли, людей 100 человек взяли в полон, 47 человек побито, 30 человек ранено». 6 мая он же сообщает, что «...башкирцы воровские люди разорили деревни и хотят приходить и разорить Сергиевский городок, что близ Самары ... а по ведомостям, государь, тех вышеописанных воров башкирцов 500 человек». О действиях восставших около Саратова известно по донесению Б.П. Шереметева от 16 июня 1706 г. Он опасался, как бы стрельцы, участники Астраханского восстания, «...не пристали к башкирцам и к каракалпакам, которые ныне воруют около Саратова и Самары» [11, с. 140].

В центре Ногайской дороги продолжали действовать башкиры во главе с Иман батыром. Эту весть привезли в Казань татарские мурзы, ездившие в мае 1706 г. к башкирам для переговоров. Башкир Ногайской дороги Минской волости Юмагулов сказал им: «...воруют и деревни разоряют башкирцы тое ж дороги Иман батыр с товарищи». Появление групп вооруженных башкир, возможно и отдельные активные их действия, имели место в пределах Осинской и Сибирской дорог вблизи границ Кунгурского уезда. 2 июня 1706 г. кунгурский земский староста доносил: «И в нынешнем 706 году они, Уфинского уезду башкирцы и татары, стоят в скопе для воинского

случаю многое число в Казанском и Уфинском уездах, русских людей села и деревни разоряют. И от того их, башкирского и татарского собрания, кунгурские крестьяне в уездах, в селех и в деревнях и домех своих жить и в полях пашни пахать не смеют, съезжаются в город Кунгур з женами и з детьми и з запасом...».

Следовательно, возобновившиеся в марте 1706 г. активные действия восставших шли в основном на территории Казанской и Ногайской дорог [11, с. 140–142].

Восставшим противостояли, кроме гарнизонов Уфы, закамских крепостей, Самары и Симбирска, также полки, и сосредоточенные в Казани под командой стольника А. Дмитриева-Мамонова. Здесь находились солдатский полк, состоявший из 1000 человек, казанский полк – 500 человек, служилых татар и мурз – 1379 человек и направленный из Москвы в Казань 1 марта 1706 г. солдатский полк полковника И. Рыдаря.

Однако этих формирований едва хватало для обороны городов и крепостей, куда нападали башкиры. В этой ситуации Дмитриеву-Мамонову, возглавлявшему военные силы края, пришлось использовать и дипломатические методы в виде переговоров с восставшими через посредничество татарских мурз и мулл.

Борьба с восставшими в какой-то мере облегчалась тем, что среди них не было полного единства. Все они были единодушны в неподчинении властям и в отказе платить налоги. Однако в развернувшихся активных действиях участвовали жители не всех волостей. Например, фактически отказались от борьбы башкиры во главе с «лучшими людьми» Казанской и Ногайской дорог Уразаем, Кусюмом Тюлекеевым, Тлешем Бегенешевым.

30 апреля 1706 г. А. Дмитриев-Мамонов направил к этим колебавшимся людям 6 казанских татар во главе с князем М. Яушевым «для проведывания подлинных ведомостей, что которых дорог и юртов башкирцы заворовались». Послы присутствовали на йыйыне, состоявшемся в ауле Ташлы Казанской дороги, где участвовали около 1500 башкир. Затем в ауле Бачановой Ногайской дороги собралось свыше 500 человек. По данным Яушева, на этом сборе были также и жители Осинской и Сибирской дорог. После этих собраний башкиры сказали послам, что они не «изменили» и не имеют связей с восставшими, и добавили: «они... о всяких своих нуждах послали челобитчиков к тебе великому государю и

ждут де они к себе твоей великого государя милости обо всяких своих нуждах...». В то же время они отказались выступать против повстанцев. В частности, эти башкиры ответили: «...они де посылать от себя для поимки тех воров не смеют и о том де их Иманове батыря с товарищи воровстве волен». Данный ответ показывает, что башкир, вставших на вооруженную борьбу, было значительное количество. Многие башкиры, сочувствуя сторонникам активных действий, сами еще ожидали получения результатов челобитной, поданной царю. Именно этим обстоятельством объясняются их неопределенные ответы посланцам из Казани.

В свою очередь, казанские власти продолжали посылать своих представителей для уговоров башкир-повстанцев. В мае 1706 г. к ним ездил Ишбулат мулла, в июле – татарский князь Ф. Асанов.

Тем временем восемь башкир-челобитчиков при содействии Б.П. Шереметева добрались до Москвы. Однако казанские власти не прекратили строить свои козни против них. 3 июня 1706 г. в донесении Петру I они писали о спокойствии в крае, кроме территории Башкортостана. Затем они просили: «...чтобы воры, которые отпущены от фельдмаршала, присланы были в Казань за караулом, то чаем быть смирным, понеже милость к состоянию имеют под страхом, а то многие надеются, что им никогда ни за что отплаты и немалого наказания и за многое воровство не бывает». С другой стороны, к лету 1706 г. произошло заметное изменение общей обстановки в крае, в частности, на территории Среднего и Нижнего Поволжья. Было подавлено Астраханское восстание, что способствовало стабилизации в Среднем Поволжье и только в Башкортостане по-прежнему было неспокойно.

В этих условиях правительство почувствовало себя более уверенным и отказалось продолжать политику уступок в отношении башкир. Петр I вместо рассмотрения их жалоб правительством в Москве повелел выдать приехавших в Москву башкир в руки тех, на кого они жаловались. 8 июля 1706 г. он писал Ф.А. Головину: «Воров башкирцов, которых в Посолской приказ прислал с Низу господин фельдмаршал Шереметев, Дюмейка Ишкеев с товарищи, для подлинного розыску отошли в Казань, к Никите Кудрявцову». 18 июля 1706 г. челобитчики под охраной 20 солдат и стрельцов как колодники были отправлены в Казань, куда прибыли 3 августа.

Казанские власти учинили «подлинный» розыск: после многих пыток Дюмея Ишкеева повесили, а остальных посадили в тюрьму. Этот приговор предварительно был согласован с царской администрацией [11, с. 142].

Московские и казанские власти обманули башкир и жестоко расправились с их челобитчиками. Они надеялись таким путем напугать недовольные массы. Однако они просчитались: вместо успокоения произошло еще большее обострение обстановки. Башкиры решили поднять новое восстание.

Таким образом, восстание 1704–1706 гг. было вызвано правительственным указом об изъятии рыбных ловель в казну, увеличением размеров новых налогов, о проведении переписи башкир, усилением вмешательства в их религиозные дела. За отказ подчиняться царскому указу казанские власти вынудили башкир отдать 5 тысяч лошадей в казну. Начавшийся весной 1705 г. на территории Казанской и прилегающих волостей Ногайской дороги сбор этих лошадей превратился в настоящий грабёж населения. В ответ башкиры этих «дорог» взяли в руки оружие, ибо они рассматривали указ от 1704 г. и произвол властей как незаконные. Других требований, в частности, отказа от русского подданства у башкир не было. Требования восставших башкир были вполне типичными для недовольного населения эпохи феодализма. Так, в своей челобитной от февраля 1706 г. они добивались от правительства отмены «незаконного» указа и наказания казанских властей. Власти не сумели разгромить восстание. Они добились прекращения борьбы путем переговоров, обещая рассмотреть челобитную башкир всех четырех «дорог».

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2.
2. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 632 с.
3. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 3. Карт. 10. № 129.
4. РГАДА. Ф. 77. Д. 3.
5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 926.
6. РГАДА. Ф. 6. Д. 17.

7. РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. отд. 3. Кн. 5.
8. РГАДА. Ф. 7. Д. 17.
9. Переписка фельдмаршалов Федора Алексеевича Головина и Бориса Петровича Шереметьева в 1705 и 1706 годах. М.: тип. В. Готье, 1851. 68 с.
10. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. СПб.: Государственная Типография, 1900. 552 с.
11. Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков. Феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап, 2016. 376 с.

REFERENCES

1. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 108. Op. 1. D. 2. [Russian State Archives of Ancient Acts. Fund 108. Bordereau 1. File 2]. (in Russ.).
2. Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR. T. 1. Ch. 1. [Materials on the History of the Bashkir ASSR. Vol 1. Part 1]. Moscow–Leningrad: The Academy of Sciences of the USSR press, 1936, 632 p. (in Russ.).
3. Arhiv SPb II RAN. F. 3. K. 10. [Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj akademii nauk. Fund 3. Map 10. No 129]. (in Russ.).
4. RGADA. F. 77. D. 3. [Russian State Archives of Ancient Acts. Fund 77. File 3]. (in Russ.).
5. RGADA. F. 214. Op. 5. D. 926. [Russian State Archives of Ancient Acts. Fund 214. Bordereau 5. File 926]. (in Russ.).
6. RGADA. F. 6. D. 17. [Russian State Archives of Ancient Acts. Fund 6. File 17] (in Russ.).
7. RGADA. F. 9. Op. 3. Kn. 5. [Russian State Archives of Ancient Acts. Fund 9. Bordereau 3. Book 5]. (in Russ.).
8. RGADA. F. 7. D. 17. [Russian State Archives of Ancient Acts. Fund 7. File 17]. (in Russ.).
9. Perepiska fel'dmarshalov Fedora Alekseevicha Golovina i Borisa Petrovicha Sheremet'eva v 1705 i 1706 godah [Correspondence of field marshals Fyodor Alekseyevich Golovin and Boris Petrovich Sheremetyevo in 1705 and 1706]. Moscow: Printing house of V. Gauthier, 1851, 68 p. (in Russ.).
10. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. Vol 4. St. Petersburg: State printing house, 1900, 552 p. (In Russ.).
11. Akmanov, I.G. Bashkirskie vosstaniya XVII–XVIII vekov. Fenomen v istorii narodov Evrazii [Bashkir revolts of the 17-18th centuries. A phenomenon in the history of the people of Eurasia]. Ufa: Kitap press, 2016. 376 p. (in Russ.).